

Однако несмотря на блестящее техническое обеспечение и на возможности разрабатывать новое содержание экзамена, в США с каждым годом растут сомнения в объективности и справедливости единого стандартизированного тестирования.

Нареканий к содержанию и проведению экзамена становится всё больше. «Всё, что оказывает большое влияние, может быть использовано как на пользу, так и во

вред. Это относится и к образовательным тестам, — заметил доктор Пол Рэмзи, представляющий в Москве Службу образовательного тестирования США. — А поскольку столько надежд и ожиданий зависят от этих вступительных тестов, абсолютно необходимо сделать так, чтобы они были справедливы по отношению ко всем». Вероятно, это также справедливо по отношению к российским школьникам. **НО**

Анатолий ВОСТРИКОВ
ректор Новосибирского
государственного
технического универси-
тета:

Должен отметить, что к процедурам с машинной обработкой привязаны лучше всего те предметы, которые сами по себе хорошо формализованы, например, математика. А чем ближе к естественным дисциплинам, таким, как химия, биология, тем сделать это труднее. С литературой — практически невозможно. Но даже многие технические вузы, в частности МФТИ, с неохотой могут идти на такие процедуры, как ЕГЭ, потому что у них целевая установка — готовить исследователей. Мы же представляем вузы *массовые*. Понятно, что далеко не все наши выпускники будут учёными (ими становятся 10–15%). Если мы хотим оценить способности человека к творчеству, то давайте сделаем ещё один экзамен в виде собеседования, который просто выявит склонность к рисунку, музыке, живописи, техническому творчеству, химии, биологии... Но это должен быть отдельный, творческий экзамен.

Известия.
18 октября 2003 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАЛЛЫ

Марина Мацквичене,
обозреватель
газеты «Труд»

В оценках отечественного образования две крайности, две точки зрения. Первая: российское образование — лучшее в мире, а западный опыт — опасная инфекция, способная сгубить на корню здоровые национальные традиции. Вторая: российская школа консервативна, отстала от мировой практики. Лежит ли истина, как ей и положено, где-то посередине? Вряд ли. На сей раз правы обе оппонировавшие стороны. Потому что нигде не найдёшь столько пропастей и столько же вершин, как в современном российском образовании. Объективный свидетель тому — трёхлетний эксперимент по введению Единого государственного экзамена. Как известно, в 2003 г. в нём участвовали уже 47 субъектов Федерации, т.е. половина России. По западному примеру его в последнее время всё чаще называют национальным экзаменом, вкладывая в это понятие смысл глобальной проверки, которая отражает уровень интеллекта нации.

До эксперимента вряд ли могло случиться, чтобы в России на выпускном экзамене по математике мог с треском провалиться весь класс или даже весь выпуск какого-нибудь частного лицея, в котором с родителей брали за обучение детей по несколько тысяч долларов в год. Но во время ЕГЭ такое, к сожалению, случалось. Подобное ЧП означает только одно: детей плохо учили математике все одиннадцать лет. На прежних, обычных экзаменах горе-учителя, чтобы скрыть свою профессиональную несостоятельность, выставляли ребятам (а по сути — себе) положительные оценки. Но при независимой экспертизе ученических

знаний такой фокус не удаётся. Кстати, Единый экзамен показал, что именно математика, вопреки утверждениям о «необычайно высоком уровне преподавания в нашей школе точных дисциплин», — чуть ли не самое слабое звено. Но тот же ЕГЭ принёс и сенсацию другого рода: талантливые юные математики обнаруживались в таком захолустье, в таких медвежьих углах, о существовании которых школьные реформаторы, начиная эксперимент, возможно, и понятия не имели.

Из всего сказанного следует, что наше общее среднее образование по-прежнему держится на одарённости ученика и на личности учителя. Если педагог современен, эрудирован, талантлив и нацелен на передачу интеллектуального багажа ученикам, то у ребят, способных этот багаж принять и освоить, в будущем не будет проблем при поступлении в вуз и в дальнейшей деятельности.

К сожалению, наше учительство весьма неоднородно. В школе преподают и талантливые, эрудированные педагоги, и люди, не очень сведущие даже в своём учебном предмете. Точный процент школьных педагогов, не имеющих высшего образования, официально ни разу не приводился, но, по неофициальным сведениям, он довольно высок, особенно среди учителей начальной школы. Есть и другая проблема. Возраст, конечно, таланту не помеха, и в российских школах немало блестящих педагогов-ветеранов, понимающих требования времени. Но иногда пожилой учитель, и сам отдающий себе отчёт, что уже выработал весь свой профессиональный и педагогический потенциал, держится за школу лишь из страха остаться без зарплаты, впасть в нищенство. По тому, как прошёл в российских регионах Единый экзамен, можно составить карту уровня школьного образования в целом по стране. В этом несомненный плюс эксперимента, признаваемый даже самыми яростными критиками ЕГЭ. Кстати, Единый экзамен образца 2003 г. показал, что тем, кто считает наше образование лучшим в мире, обольщаться особенно нечем: среди выпускников было примерно одинаковое количество двоечников и отличников, примерно 8% от общего числа учащихся. «Хорошистов» вывилось несколько больше.

Пока педагогическая общественность в обеих столицах продолжает спорить по поводу целесообразности введения ЕГЭ, регионы всё более охотно подключаются к эксперименту. Одни, возможно, соблазняются бесплатным получением компьютерных центров, другие верят, что Единый госэкзамен сделает высшее образование доступным для малообеспеченной молодёжи. Чемпион по участию в ЕГЭ — Ханты-Мансийский автономный округ, в котором по результатам Единого экзамена в этом году принимали на первый курс 24 вуза. Ждали «егэшников» нынешним летом и высшие учебные заведения Адыгеи, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Якутии, Чувашии, Ростовской, Новосибирской, Самарской, Томской областей.

Позиция Москвы все три года, пока шёл эксперимент, была выжидательной, хотя обычно педагогические новации идут как раз из центра. Первые постперестроечные гимназии, лицеи и колледжи, профильное обучение, тесное сотрудничество вузов и школ — всё

это начиналось в столице, а уж потом подхватывалось в провинции. В интервью автору этих строк вполне, как теперь говорят, продвинутые директора школ и учителя заявляли, что лягут костями, но не допустят у себя Единого экзамена. Их заранее возмущало то, что ученикам, многие из которых с блеском побеждают в школьных олимпиадах, придётся в тестах всего-навсего «угадывать» правильный ответ. На самом деле так «угадывать» нужно при ответе только на вопросы первого задания на ЕГЭ. Второе задание гораздо сложнее, а с третьим по силам справиться только победителям олимпиад. Учителям вторили ректоры ведущих московских вузов, объясняя свою позицию тем, что экзамен без личного контакта поступающего и экзаменатора не позволит «улавливать» одарённую молодёжь. Министерство образования тут же откликнулось и официально узаконило поступление в вузы победителей всероссийских и международных школьных олимпиад без вступительных экзаменов. Кроме того, по решению министерства уже в 2004 г. в Единый экзамен будут включены дополнительные испытания для тех, кто поступает в институты культуры, искусства и спорта.

Первым столичным вузом, который открыл свои двери для «егэшников», стала Высшая школа экономики. За три экспериментальных года благодаря ЕГЭ её студентами стали десятки молодых людей из российской глубинки. Ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов всегда говорит об этом с удовольствием и подчёркивает, что, например, в ведомстве Грефа работает всё больше выпускников «Вышки», некогда приехавших завоевывать столицу из отдалённых регионов.

Весной будущего года Единый государственный экзамен будут сдавать выпускники школ пяти столичных округов. Чтобы провести Единый экзамен по-московски, создано пять рабочих групп, в которые входят лучшие методисты города. Основную группу возглавляют Любовь Кезина и министр образования Владимир Филиппов. Сертификаты ЕГЭ будут принимать все столичные вузы. **НО**